

Е. Н. Данилова

ПРОВОКАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО РЕНЕССАНСА: О ВЛИЯНИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НА ИЗУЧАЕМОЕ СООБЩЕСТВО

doi: 10.30759/1728-9718-2019-4(65)-116-123

УДК 930.2:39

ББК 63.500

В статье рассматривается роль исследователя в провокации этнического ренессанса, который характеризуется такими процессами, как актуализация исторической памяти, рост этнического самосознания, обращение к этничности в поисках своего позиционирования, сохранение и ревитализация элементов традиционной культуры. Взаимоотношения исследователя и изучаемого им сообщества анализируются в контексте этических проблем и затрагивают такие аспекты, как степень вовлеченности, «возвращение» данных, автоэтнография. Учитывая тот факт, что исследователь является активным участником исследования, необходимо анализировать свою собственную роль в этом процессе и сосредоточить внимание на тех моментах, которые могут оказать прямое или косвенное влияние на изучаемое сообщество. Между исследователем и изучаемым им народом происходит постоянный обмен знаниями: «возвращение» или публикация собранных материалов могут стать как инструментом активации этнокультурного потенциала, так и инструментом формирования этнических стереотипов. В процессе длительного наблюдения, выстраивая доверительные отношения, можно наблюдать постепенную актуализацию интереса к собственной культуре и возобновление некоторых традиционных практик, в то же время можно стать невольным заложником личных интересов изучаемого населения. В качестве примеров приводится опыт Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, что обусловлено большим количеством проводимых на его территории археологических и этнографических экспедиций и тесным взаимодействием исследователей с проживающими там коренными малочисленными народами.

Ключевые слова: *этнический ренессанс, актуализация этничности, «возвращение» данных, этика полевых исследований, включенное наблюдение*

Категория «этнический ренессанс» в отечественном научном дискурсе чаще всего ассоциируется с ростом национального/этнического самосознания народов в постсоветском пространстве. Этот период характеризовался манифестацией национальных интересов, возникновением общественных движений малочисленных народов, этнических ассоциаций и родовых объединений. В «глобальном историческом и геополитическом масштабе “этнический ренессанс” стал образным обозначением процесса усиления борьбы народов за самостоятельность и территориальный суверенитет.¹

В статье речь идет об этническом ренессансе, с одной стороны, как о явлении, которое характеризуется процессами возрождения интереса к своей культуре, обращения к эт-

ничности в поисках своей идентичности, роста этнического самосознания, сохранения и ревитализации элементов традиционной культуры, с другой стороны, как о склонности этнических групп к актуализации своей исторической памяти.

Толчком для этнического ренессанса становятся определенные, чаще всего драматические, события. В рамках крупных этнических образований обращение к этничности является ответом на политические и социально-экономические изменения, однако в масштабах небольших сообществ или даже в рамках одной семьи или конкретного человека спровоцировать процессы «возрождения» этнического самосознания может сторонний исследователь, проявляющий интерес к их культуре и истории.

*«Муха на стене» vs
«полноправный участник»*

Отношения между исследователем и исследуемыми можно считать ключевыми в этнографии. Изучая то или иное сообщество, мы уже оказываем на него влияние, несмотря на стремление к объективности и невмешательству. Основной этнографический

¹ Октябрьская И. В., Самушкина Е. В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере республики Алтай и республики Хакасия) // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2016. № 4 (42). С. 73.

метод — включенное наблюдение — сам по себе предполагает вовлеченность этнографа. Роли исследователя, в зависимости от степени вовлеченности, были описаны еще в 1950-х гг.: полный участник, участник как наблюдатель, наблюдатель как участник и полный наблюдатель. Полный участник (*complete participant*) скрывает свои цели и даже личность от тех, за кем наблюдает, он взаимодействует с ними настолько естественно, насколько это возможно, в тех областях их жизни, которые ему интересны. Участник как наблюдатель (*participant-as-observer*) отличается от предыдущей роли тем, что информаторы знают о наблюдении. Роль наблюдатель как участник (*observer-as-participant*) предполагает минимальный контакт и формальное наблюдение во время одноразовых интервью. Полный наблюдатель (*complete observer*) не вступает во взаимодействие с участниками процесса, они не знают, что он наблюдает за ними и что они, в некотором смысле, служат его информаторами. Исследователь, в зависимости от своих задач, выбирает нужную роль, «чтобы будучи тем, кто он есть, он мог лучше всего изучить те аспекты общества, в которых заинтересован».² Вопросы степени включенности наблюдений и скрытости исследований находятся в этической плоскости и, как правило, решаются в пользу интересов тех, кого изучают.³

Роль исследователя как активного участника процесса очевидна, не важно, является он «мухой на стене», почти незаметно наблюдая «естественную обстановку», или «полноправным участником» изучаемой им повседневной жизни.⁴ Учитывая это, можно также изучать, как люди реагируют на присутствие исследователя, вместо того чтобы предпринимать попытки полностью исключить его влияние. При таком подходе в конечном продукте (книге, статье, проекте и пр.) предполагается отражение роли исследователя в течение всего процесса работы. Л. Слутер, например,

анализируя степень личного участия в этнографических изысканиях, приходит к выводу, что его собственная роль неразрывно связана с исследованиями и его присутствие вызывает определенные реакции. Так, люди активно приписывали ему различные роли от наркодельца до полицейского под прикрытием, однако он, вместо того чтобы рассматривать это как «препятствие» к сбору данных, превратил это в источник информации.⁵

Принимая во внимание тот факт, что мы всегда являемся частью того мира, который изучаем, и возможно, никогда не сможем быть только наблюдателем, всегда влияя на изучаемые явления или так или иначе участвуя в них, мы можем использовать это знание, анализируя собственную роль в исследовательском процессе.

В исследовании по истории создания номенклатуры малых народов Севера России/СССР А. В. Головнёв описывает причастность исследователей к судьбам изучаемых ими народов, которая иногда доходила до «строительства идентичности» и «этнообразования».⁶ В реалиях сегодняшнего дня, когда этничность выступает как постоянно генерируемое явление, возобновляемость которого обусловлена персональной и групповой стратегией самоопределения и безопасности,⁷ «сам факт вопросов об этнической принадлежности, которые задает исследователь информантам, не может не актуализировать эту самую идентичность <...> можно лишь стремиться к тому, чтобы наше влияние на ситуацию оказалось минимальным, избежать же его вообще — просто невозможно».⁸ Кроме того, мы можем сосредоточить свое внимание на тех моментах, которыми так или иначе можем управлять.

«Возвращение» данных

Между исследователем и изучаемым им сообществом происходит постоянный обмен знаниями. Возвращая результаты своей работы «в народ», исследователь может влиять на рост этнического самосознания и актуализацию исторической памяти народа.

² Подробнее об этом см.: Raymond L. Gold. Roles in Sociological Field Observations // *Social Forces*. 1958. Vol. 36, № 3. P. 217–223.

³ В зарубежной исследовательской практике для этого существуют специальные институциональные комиссии, осуществляющие этический контроль, подробнее об этом см.: Зависка Дж. Этика полевой работы в этнографии // *Антропологический форум*. 2006. № 5. С. 173–175. В отечественной этнологии этические проблемы нечасто становятся предметом научной рефлексии. Одной из площадок, на которой активно ведется обсуждение подобных вопросов, является журнал «Антропологический форум» (№№ 2, 5, 30).

⁴ Hammersley M., Atkinson P. *Ethnography. Principles in Practice*. London, 2007. P. 17.

⁵ О степени личного участия автор пишет в последней части 3 главы. См.: Slooter L. *The Making of the Banlieue: An Ethnography of Space, Identity and Violence*. Cham, 2019.

⁶ См.: Головнёв А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 2. С. 4–7.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Форум: Этические проблемы полевых исследований // *Антропологический форум*. 2006. № 5. С. 56.

«Возвращение» данных (“sharing data”, “disclosure”, “member check”) в зарубежной научной литературе чаще всего рассматривается в контексте этических вопросов. С одной стороны, как признание долга перед изучаемым обществом, когда ученые задаются вопросом: «Можем ли мы когда-нибудь сделать достаточно для наших участников исследования в обмен на то, что они сделали для нас?», — и полагают, что информаторы должны полностью контролировать то, что производится.⁹ С другой стороны, исследователи осознают, что существуют особые обстоятельства, которые делают обнародование данных неэтичным по отношению к информаторам или обществу в целом.¹⁰ В отечественном научном дискурсе вопросы необходимости поделиться результатами исследования или собранными материалами с информаторами поднимались на страницах журнала «Антропологический форум» в разделе «Форум» в 2016 г.¹¹

С методологической точки зрения, “member check” можно использовать как исследовательский прием. Так, например, ученым предлагают «возвращать» стенограммы ее участникам, чтобы совместно интерпретировать данные¹² или знакомить информаторов с материалами исследований, обращая внимание на ситуации, когда «они возражают против того, что мы думаем, говорим или пишем о них», и обязательно отражать эти возражения в своих исследованиях.¹³ Рассмотрение подобных ситуаций само по себе является ценной обратной связью и может использоваться для исправления/корректировки первоначальных теоретических концепций.

В контексте заявленной проблемы интерес представляет другой аспект «возвращения» данных, а именно их последующее использование информаторами, в том числе для активации своего этнокультурного потенциала. Некоторые коренные жители используют для восполнения утраченных знаний этнографические и археологические публикации. Автор наблюдал это в с. Лемпино Нефтеюганско-

го района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2003 г.: один из информаторов в ответ на любой вопрос рекомендовал почитать книгу «Салымский край», в которой «все написано и больше добавить нечего», либо просто ее цитировал.¹⁴ Рассказами о случаях обращения информаторов к научным изданиям делятся многие исследователи. В. А. Шнирельман обратил внимание, что тлингиты Аляски использовали этнографические публикации для обучения традиционному ремеслу.¹⁵ Н. В. Дранникова в книге «Архангельские сказки (из материалов лаборатории фольклора Поморского государственного университета)» указывает: «...многие из жителей Архангельской области стали звонить и писать мне, сообщая новые сказочные тексты, не вошедшие в книгу, т. е. в этом случае знакомство с книгой/статьей самих носителей традиции стало стимулом для новых изысканий».¹⁶

Обратная сторона знакомства с собранным материалом заключается в том, что «исследовательская рефлексия и интерпретация полученных сведений иногда сама порождает стереотипы, которые местное сообщество усваивает из этих книг или статей».¹⁷ В этой связи можно также упомянуть излишнюю увлеченность исследователей традиционной культурой, которая, по мнению В. А. Тураева, формирует искаженные представления народов об их жизни: «...акцентируя внимание на традиционных аспектах культуры, проявляя к ним повышенный интерес, мы тем самым рисуем мифический “золотой век” народной жизни, которого никогда не существовало. <...> Убежден, что трагедию коренных малочисленных народов в 90-е гг. XX в. подготовили именно мы, этнографы. 10 лет их жизни бесславно потрачены на так называемое “возрождение”, которое повсеместно было воспринято как возврат к столь милой для нас этнографической норме — традиционной культуре».¹⁸

При публикации материалов необходимо также учитывать, что нередко информаторы выступают против того, чтобы данные, которые они сообщают, становились известными широкой публике, считая, что это может нанести

⁹ O'Reilly K. Ethnographic methods. London, 2005. P. 63.

¹⁰ См.: Code of Ethics of the American Anthropological Association. URL: <https://www.americananthro.org/ParticipateAndAdvocate/Content.aspx?ItemNumber=1656> (дата обращения: 17.07.2019).

¹¹ См.: Форум: Отношения антрополога и изучаемого сообщества // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 8–80.

¹² O'Reilly K. Op. cit. P. 63, 64.

¹³ Подробнее см.: Tanggaard L. Objections in Research Interviewing // International Journal of Qualitative Methods. 2008. Vol. 7, № 3. P. 15–29.

¹⁴ ПМА, р. Обь, р. Б. Юган, р. Б. Салым, 2003.

¹⁵ См.: Шнирельман В. А. Аборигенные народы, этничность и политика // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 40.

¹⁶ Форум: Этические проблемы полевых исследований. С. 69.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Тураев В. А. // Антропологический форум. Специальный выпуск к VI конгрессу этнографов и антропологов. 2005. С. 151, 152.

им вред. Как показывает практика работы среди обско-угорских и самодийских народов, чаще всего это имеет отношение к информации о культовых местах: «...святые места нельзя обнародовать, если его обнародуешь, значит это не святое место. А сейчас через все святы места прошли профиля, дороги, разные прочие рубки, освоение, бурение. И вот получается, что святы места теперь, ну как сказать, стали как клуб».¹⁹ Этическая сторона подобных проблем довольно острая: с одной стороны, существует необходимость сохранения культовых мест как значимых маркеров этнической самобытности и в некоторых случаях сами местные жители вынуждены обращаться за помощью с целью их охраны из-за активного промышленного освоения, с другой — некорректное отношение к этому вопросу, в том числе со стороны исследователей, может привести к росту социальной напряженности и конфликтам. На одном из общественных слушаний, посвященных обсуждению проекта достопримечательного места,²⁰ негативную реакцию вызвала публикация отчетной документации в интернете. «В представленном проекте показаны все пути и дороги на Шаман Гору, как нам теперь ее защищать до придания юридического статуса?»²¹ По предложению одной из местных жительниц А. С. Сопочиной, в таких случаях «необходимо на суд общественности выносить урезанный вариант научной документации, согласованный с коренными жителями, без четких привязок святилищ и фотофиксации обрядов. Иначе получается своего рода реклама для всякого рода любителей старины и сектантов, которые на сегодняшний день являются большой проблемой для носителей традиционной культуры».²² Некоторые представители коренных народов полагают, что обнародование информации о священных местах может нанести вред не только самому месту, но и здоровью человека, который его опубликовал. Ю. Вэлла в одной из своих книг описывает случай, когда он отказался озвучить список священных мест

на заседании Общественной палаты ХМАО — Югры (в 2005 г. окружная Дума приняла закон о святилищах), а также удалил из рукописи главу «Святилища», опасаясь за здоровье близких и свою жизнь.²³

Современное открытое информационное пространство предполагает, что любой, в том числе информатор, может ознакомиться с результатами исследований самостоятельно, поэтому опубликованные данные в какой-то степени уже являются «возвращенными». Учитывая этот фактор, исследователь, оказывая опосредованное влияние на изучаемое общество через результаты своей работы, должен сохранять научную рефлексию.

Ритм исследования, автоэтнография и формирование этнической идентичности

В процессе длительной работы в пределах одного «поля» можно наблюдать этапы актуализации интереса к собственной культуре: иногда от почти безразличия к исторической памяти народа, к активному участию в событиях и демонстрации своего этнокультурного потенциала. Такой процесс чем-то сходен с моделью стадийного формирования этнической идентичности Д. С. Финни,²⁴ в которой выделяется поворотный момент, заставляющий по-новому взглянуть на свое этническое происхождение. Одним из таких моментов становится активная деятельность исследователя.

Бывает, что необходимую информацию опрашиваемые просто не помнят и не могут дать быстрый ответ. Однако спустя некоторое время (иногда может пройти неделя, месяц или даже год) они сообщают о том, что вспомнили, поспрашивали или узнали. Длительное наблюдение не обязательно предполагает «постоянное проживание» со своими информаторами, здесь скорее работает поэтапный подход, при котором этнограф чередует более продолжительные исследования с периодами анализа и теоретизирования «вне поля». Такой ритм работы создает пространство для диалога между полевыми данными и теоретическими концепциями. Для решения задачи длительного наблюдения удобно использовать интернет-коммуникации, которые дают

¹⁹ ПМА, с. Варьеган, 2016.

²⁰ В ХМАО — Югре с 2012 г. успешно реализуется стратегия сохранения культовых мест путем придания им правового статуса объекта культурного наследия в виде достопримечательных мест. В данном случае речь идет о проекте «Эвыт-Ики (Шаман Гора)».

²¹ Протокол общественного обсуждения научно-проектной документации по обоснованию достопримечательного места «Эвыт-Ики (Шаман Гора)». Д. Русскинская Сургутского района, 29 апреля 2016 г.

²² Там же.

²³ См.: Вэлла Ю. Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря. Бассейн р. Аган. Ч. 3. Ханты-Мансийск, 2012. С. 108–110.

²⁴ См.: Phinney J. S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence // *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. Albany, 1993. P. 61–79.

возможность поддерживать связь со многими информаторами, уточнять или дополнять полученные в «поле» сведения.

Постоянная поддержка связей, периодическое возвращение в «поле», участие в этнопроектах — все это может оказывать влияние на формирование этнической идентичности, поскольку исследователь становится по-настоящему близок своим информаторам, а в случае, если исследователь происходит из среды изучаемого народа, такое влияние может оказаться вдвойне сильней.

Изучение «собственной» культуры (native anthropology), когда исследователь и информатор совмещаются в одном лице, иногда называют жанром «автоэтнографии». Критические замечания в адрес этого жанра чаще всего сводятся к тому, что подобные исследования «получаются слишком идиллическими, часто не выходят за границы краеведения»²⁵ и чреватны впадением «в одну из крайностей: излишний лиризм или идеологичность».²⁶ Однако, несмотря на это, следует признать, что такие исследования ценны глубиной и уникальностью материала. В контексте вопросов формирования этнической идентичности можно привести массу примеров того, как лидеры научной интеллигенции из числа коренных малочисленных народов Севера (Л. Е. Киселев, Т. А. и Т. А. Молдановы, Е. И. Ромбандеева, Е. Г. Сусой и др.) занимали активную позицию и инициировали различные этнопроекты, направленные на сохранение и возрождение культурного наследия своего народа и, как следствие, способствовали активации этнокультурного потенциала.²⁷

Продолжительные исследования формируют прочные связи между исследователем и изучаемым им сообществом, позволяют выстроить доверительные отношения, которые дают возможность исследователю не только получать более качественные сведения, но и компетентно представлять интересы этих сообществ, например, при проведении различного рода экспертных работ. В то же время этнолог как эксперт должен уметь, транслируя различные мнения, соблюдать нейтралитет

как на локальном уровне, не вставая на сторону ни одной из групп внутри изучаемого сообщества, так и на внешнем — не лоббируя личные интересы информаторов при решении межнациональных вопросов. В одном из своих исследований по историко-культурной оценке территории с целью постановки ее на охрану в виде достопримечательного места нам приходилось собирать информацию, лавируя между скрытым противостоянием нефтяников и коренных жителей, баптистов и представителей традиционных этнических верований, музея и администрации, музея и общины, общины и администрации, противоречиями внутри общины, между ее членами и руководством, где у каждой из групп была своя правда и взгляд на происходящее. Так, представители добывающей компании были уверены, что в достаточной мере помогают коренным жителям, чтобы пользоваться землями, на которых те проживают, и отстаивали свои интересы в получении максимальной прибыли от добычи нефти, аргументируя это тем, что именно от них зависит экономическое благосостояние страны. Община, в лице руководства, пыталась сохранить свою экономическую эффективность как предприятия, где дотации нефтяников играют существенную роль, и поэтому занимала нейтральную позицию. Коренные жители, которые оказались «под воздействием», рассчитывали на получение дотаций при условии сохранения среды обитания. При этом, казалось бы, противоборствующие между собой баптисты и представители этнических верований одинаково отстаивали культурную значимость территории, первые — как своего культурного наследия, вторые — как атрибута веры.

Наиболее яркие примеры восстановления элементов традиционной культуры связаны с этническими верованиями. После археолого-этнографических экспедиций начала 1990х гг. в бассейне р. Малый Салым было возрождено хантыйское святилище Ай-ортики. Комплекс мероприятий по сохранению, консервации и реставрации святилища проводился Комитетом по охране и использованию историко-культурного наследия Нефтеюганского района ХМАО — Югры. Все работы проводились непосредственно на культовом месте: в 1993 г. были реконструированы амбар и его внутреннее убранство, в 1994–1996 гг., были отреставрированы деревянные скульптуры — изображения духов. По словам

²⁵ Форум: Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 22.

²⁶ Там же. С. 61.

²⁷ Подробнее о деятельности этнической элиты и генерируемых ею этнополитических и этнокультурных проектах в ХМАО — Югре и ЯНАО см.: Первалова Е. В. Обские утры и пенцы западной Сибири: этничность и власть: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. Т. 1. С. 377–421.

археологов, проводивших работы, помимо формального сохранения историко-культурного наследия, у многих хантов они «пробудили чувство самоуважения и осознание значимости собственной культуры». Также они отмечают: «...люди стали живо интересоваться результатами наших исследований и принимают в них активное участие», «...мы, неожиданно для себя, стали заполнять лакуну духовного общения этих людей, став составной частью их духовного мира. Видимо, с этим связано то нетерпение, с которым каждое лето они ждут нашего приезда».²⁸ Восстановленное в 1993 г., святилище просуществовало до 2013 г., пока его полностью не уничтожил лесной пожар.

Многолетние связи юганских хантов с археологами дали толчок процессам сохранения культовых мест Яун-Ики²⁹ и активировали интерес местных жителей к частично утраченным традициям и возобновлению ритуальных практик. Появились ханты, которые высказали желание «держатъ духов» (стать хранителем священного места — *Е. Д.*), починили лабаз и вновь заговорили о переездах Яун-Ики по сезонным местам.³⁰ Очевидно, что возрождающиеся элементы культуры не повторяют прежних, они адаптируются к современным условиям, уживаются с технологическими новациями и, как результат, трансформируются в новую синтетическую культуру.

В процессе работы над проектом достопримечательного места в бассейне р. Аган (Нижевартовский район ХМАО — Югры) в 2015 г. мы стали свидетелями того, как представители молодого поколения, не проявлявшие ранее особого интереса к своей культуре, увлеклись сбором информации и опрашивали стариков. «Обидно одно, что люди, не связанные с нашим укладом жизни, проявляют больший интерес, чем мы сами», «сейчас я стал общаться со своими родственниками, узнал названия стариц и мест».³¹ Во время общественного обсуждения научно-проектной документации по обоснованию достопримечательного ме-

ста³² представители коренного населения высказали свои пожелания, что им тоже «надо так оформить (достопримечательное место — *Е. Д.*)», и стали узнавать, «что людям-то делать, которые хотят заявляться», высказали мнение: «...нужно сейчас каждому роду найти у себя на стойбищах такие места, тогда нам будет легче работать с недропользователями».³³ Сохраняя один культовый комплекс, исследователи спровоцировали ситуацию, в которой местные жители начали проявлять инициативу по изучению и сохранению своего этнокультурного наследия.

Для подготовки доклада к V Северному археологическому конгрессу было запущено интернет-анкетирование «Исследование культуры или культура исследования», в котором участникам предлагалось ответить на несколько простых вопросов с целью узнать, оказало ли их знакомство с исследователями какое-либо влияние на их отношение к культуре и истории своего народа. Неожиданностью стало обращение одного из респондентов с просьбой о помощи в сохранении территории, которая издревле была включена в традиционную хозяйственную деятельность его семьи, но не вошла в официальную территорию природопользования и, как следствие, исключала прямое взаимодействие недропользователей с ее субъектами. Так, исследование, направленное на изучение влияния, само по себе спровоцировало инициативу и интерес местных жителей к своей культуре и дало толчок решению новой исследовательской задачи. К моменту написания статьи в опросе приняли участие 27 человек, промежуточные результаты анкетирования позволяют говорить о том, что большинство опрошенных высказываются о положительном влиянии их знакомства с исследователями на отношение к культуре своего народа (59%), чаще всего упоминая о том, что сами стали проявлять к ней повышенный интерес, в то же время все участники (100%) желали бы, чтобы кто-то занимался сохранением и изучением истории и культурного наследия их народа/региона.

Несмотря на попытки объективности, следует принять, что позиция исследователя не бывает нейтральной. Одна из ключевых идей статьи заключается в обращении внимания

²⁸ Карачаров К., Кардаш О. Святилище «Ай-ега» // Югра. 1994. № 6. С. 12–16.

²⁹ Яун-Ики ('Югана старик', 'Юганский дедушка') является покровителем большеюганских хантов и почитается как «хозяин» реки; в среднем течении Большого Югана располагается его «вотчина» — культовый ансамбль, состоящий из трех сезонных мест. Подробнее об этом, а также о работах по сохранению культового ансамбля см.: Данилова Е. Н. Земля покровителя Большого Югана на грани перемен // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск: Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 124–140.

³⁰ ПМА, р. Большой Юган, 2018.

³¹ ПМА, р. Аган, 2015.

³² Речь идет о достопримечательном месте «Эвут Рап».

³³ ПМА, с. Варьеган, 2016.

на влияние исследователя. Признание этого влияния — это, во-первых, признание исследователя как основного «инструмента» сбора данных, что требует от него обязательной научной рефлексии. Во-вторых, это признание права на существование различных этнографических реальностей, которые создаются разными исследователями, но не исключают, а дополняют друг друга, поскольку зависят от различного «угла» наблюдения и интерпретации. В-третьих, это признание особой ответственности, которую налагает на исследователя современная действительность, поскольку

от процесса, методов, результатов его работы, среди прочих, может зависеть формирование этнической идентичности изучаемого сообщества.

Осознавая роль исследователей в провокации этнического ренессанса, необходимо помнить, что у этого процесса может быть и обратная сторона, поэтому, оказывая влияние на актуализацию этничности, участвуя в возобновлении некоторых традиционных практик или в сохранении этнокультурного наследия, мы должны быть особенно внимательны к этичности своих действий.

Elena N. Danilova

Researcher, postgraduate, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *danilova@northarch.ru*

PROVOKING ETHNIC RENAISSANCE: ON THE RESEARCHER'S IMPACT
ON THE STUDIED COMMUNITY

The article examines the role of the researcher in provoking ethnic renaissance, which is characterized by such processes as actualization of historical memory, increase of ethnic self-awareness, addressing ethnicity in search of one's positioning, preserving and revitalizing elements of traditional culture. The relationship between the researcher and the studied community is analyzed in the context of ethical issues and affects such aspects as the degree of involvement, "repatriation" of research materials, and auto-ethnography. Given the fact that the researcher is an active participant of the study, it is necessary to analyze your own role in this process and focus on those points that may have a direct or indirect impact on the community being studied. A constant exchange of knowledge takes place between the researcher and the studied people: "repatriation" or publication of the collected materials can become an instrument for activating the ethnocultural potential and for generating ethnic stereotypes as well. In the process of a long-term observation, while building trusting relationships, one can observe a gradual actualization of interest in one's own culture and the resumption of some traditional practices; at the same time one can become an involuntary hostage to the personal interests of the studied population. The experience of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra is given as an example, which is due to the large number of archaeological and ethnographic expeditions carried out on its territory and the close interaction of researchers with indigenous peoples living there.

Keywords: *ethnic renaissance, ethnicity actualization, "repatriation" of data, ethics of fieldwork, participant observation*

REFERENCES

- Danilova E. N. [The Land of the Great Yugan's patron on the verge of change]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 2018, iss. 16, pp. 124–140. (in Russ.).
- [Forum: Ethical problems of field research]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2006, no. 5, pp. 6–166. (in Russ.).
- [Forum: Relations between the anthropologist and the studied community]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2016, no. 30, pp. 8–80. (in Russ.).
- [Forum: Researcher and the object of research]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2005, no. 2, pp. 8–134. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Ethnicity: Sustainability and Changeability (the Case of the North)]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2012, no. 2, pp. 3–12. (in Russ.).

- Hammersley M., Atkinson P. *Ethnography. Principles in Practice*. London: Routledge, 2007, 275 p. (in English).
- Karacharov K., Kardash O. ["Ay-ega" sanctuary]. *Yugra [Ugra]*, 1994, no. 6, pp. 12–16. (in Russ.).
- O'Reilly K. *Ethnographic methods*. London: Routledge, 2005, 252 p. (in English).
- Oktyabrskaya I. V., Samushkina E. V. [Ethnic-Cultural Renaissance in Siberia Nowadays: General Description and Regional Specificities (On the Materials from Altai and Khakassia Republics)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]*, 2016, no. 4 (42), pp. 73–79. DOI: 10.17223/19988613/42/13 (in Russ.).
- Perevalova E. V. *Obskiye ugry i nentsy zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast': doct. diss.* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power: Dr. Diss.]. Ekaterinburg, 2017, vol. 1, 515 p. (in Russ.).
- Phinney J. S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence. *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. Albany: State University of New York Press, 1993, pp. 61–79. (in English).
- Raymond L. Gold. Roles in Sociological Field Observations. *Social Forces*, 1958, vol. 36, no. 3, pp. 217–223. (in English).
- Shnirelman V. A. [Indigenous peoples, ethnicity and politics]. *Etnograficheskoye obozreniye [Ethnographic Review]*, 2012, no. 2, pp. 34–44. (in Russ.).
- Slooter L. *The Making of the Banlieue: An Ethnography of Space, Identity and Violence*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019, 281 p. (in English).
- Tinggaard L. Objections in Research Interviewing. *International Journal of Qualitative Methods*, 2008, vol. 7, no. 3, pp. 15–29. (in English).
- Turaev V. A. *Antropologicheskij forum [Forum for Anthropology and Culture]*, 2005, Special issue for the 6th Congress of Ethnographers and Anthropologists, pp. 150–158. (in Russ.).
- Vella Yu. *Reka Agan so pritokami. Opyt toponimicheskogo slovaryia. Basseyn r. Agan* [The Agan River with tributaries. Toponymic Dictionary Experience. The Agan River basin]. Khanty-Mansiysk: Yugrafika Publ., 2012, part 3, 150 p. (in Russ.).
- Zaviska J. [Ethics of fieldwork in ethnography]. *Antropologicheskij forum [Forum for Anthropology and Culture]*, 2006, no. 5, pp. 169–193. (in Russ.).